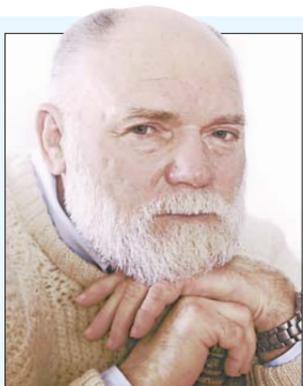

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК

ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Рассказ

Постоянным читателям «Аргументов недели» хорошо знакомо имя Виктора Слипенчука – автора многочисленных публикаций в нашей газете под рубрикой «Гражданская трибуна». Его материалы всегда актуальны, правдивы и чрезвычайно интересны. Темы самые разные, но всех их объединяет самобытный взгляд автора. А потому каждая новая статья вызывает резонанс в обществе и поток писем от граждан.

Произведения Виктора Слипенчука нельзя назвать автобиографичными в буквальном смысле слова. Но каждая написанная строка пропущена через сердце писателя. Он проживает со своими героями все их невзгоды и радости.

Мы предлагаем читателям нашей газеты рассказ Виктора Слипенчука «День возвращения», написанный в 1984 году.

Рассказ публикуется впервые.

ТАТЬЯНЕ Ивановне Бойко, жене председателя колхоза «Власть труда», приснился сон. Пропавшая картошка, она услышала испуганный щебет ласточек и, ненароком взглянув на избу, обернула. Клубы дыма, впрыснутые в нависшую над трубой тучу, изба, раздуваясь, втягивала, точно насос. Стены и крыша лопнули, из распахнутых окон и трещин вырывались тугие змеистые языки, похожие на шевелящиеся щупальцы.

– Господи, Вася! – горестно вскрикнула Татьяна Ивановна и, обессиленно осев на грядку, проснулась.

Припоминая подробности, она не испытывала ни страха, ни слабости, а лишь досаду – изба взялась, а она: Вася! Гляди-ко, прибежит... Татьяна Ивановна не могла себе простить растерянности даже во сне.

Посапывание детей, мерное тиканье ходиков, воздушное движение лунного света, залившего горницу и облаксивающего своим прикосновением грубые половицы, – всё это предстало ей таким неизъяснимо хрупким, что, вместо того чтобы утешиться, она вдруг всхлипнула. Она плакала молчаливо, без слёз, без горечи, не ведая и не помышляя о другой участи. Её мысленному взору представлялись: осенний сеющий дождь, словно туманом заволакивший огороды и сопки. Муж – худой, жёлтый, в разбухшей шинели, не по размеру большой, будто с чужого плеча. И люди – размытыми тенями поджидающие на свёртках, а потом молча хлюпающие следом в пропитанных пушечным маслом чунях.

Они ехали на железнодорожную станцию на одноконной подводе всей семьёй. Дети, приспособив пустые мешки под плащ-капюшоны, правили подслеповатым меринком, а она незаметно поддерживала его, сердито нахохлившегося в своём болезненном негодовании. Когда вывернули на большак, увязалось особенно много народа. Замыкал ше-

ствие колхозный бычатник дед Тимченков, прогуливавший племенного быка. Закинув руки назад и задумавшись, он шёл как бы сам по себе, не подозревая, что ведёт тяжёлого угрюмого симментала, грозно позвякивающего двойной цепью.

– Куда он, куда он его? Он же половину колхоза стбит! – нервно вскидывался Василий Аксентьевич и тут же, словно вспомнив, что всякий день находил минуту, заскакивал в бычатник полюбоваться породистостью быка, затихал – убажуют...

На станции опять вскинулся. – На погост провожаете?! А я обязательств не давал, нет... Москва, она столица, она не выдаст... Я ещё оклемаюсь, я ещё вернусь.

Василия Аксентьевича зрясло в беспричинном гневе. Его и в вагон внесли трясушимся, точно в лихорадке. В последний момент выглянул из окошка, вылупато по-совьи взглянул разом на всех.

– Оклемаюсь, живой вернусь, – прокричал, будто угрожая, и исчез; демобилизованные морячки вынырнули, весело пообещав доставить фламана в целостности и сохранности прямо в Кремль.

Никто не верил, что Василий Аксентьевич поправится, но на отчётно-выборном собрании на все доводы полномоченного райкома – переизбрать председателя ввиду болезни – колхозники неожиданно дружно заартачились.

– Нехай остаётся, у нас как Аксентьевичу притензиев нету, он в болезни не виноватый. А на место председателя ВрИО имеется, пусть пока покомандует, а там видно будет.

Татьяна Ивановна тоже не верила, что муж поправится. То есть в глубине сердца она никогда не сомневалась, что поправится, но здесь, в миру, где житейскую ношу мужа надо нести изо дня в день одной, она не верила, не позволяла верить. Она полагала, что для этой ноши родилась и её не опрокинешь с плеч, не опрокинув судьбы. Поэтому сон и расстроил её, получалось, будто она ждёт мужа для какого-то своего облегчения. Нет-нет, Вася, она судьбой довольная.

Глядя на трепетного лунного зайчика, шаловливо прыгающего с одеяла на руку, Татьяна Ивановна вспомнила, как вчера, вся счастливая и запыхавшаяся, прибежала из конторы её старшая дочь Галина.

– Прыгайте, завтра папка придет!..

Татьяна Ивановна вздохнула, и сад словно бы отозвался, тоже вздохнул, зашелестел листьями и смолк, будто прислушивался к далёкому рокоту машин, укатывающих полотно аэродрома.

Всё же бабская доля полегче мужичкой. У них, у баб, всё сызмальства определено: дети – всё вокруг них, а потому ничего лишнего. А мужик?! Всю-то

жизнь он, точно малое дитя, колготится, не ведая своей натуре, а и вызнает – по своему ребячьему капризу может себе же назло пустить. Не умеют мужики думать телом, постыдное им сказывается в нём, а всё потому, что тело их не родит, как пашня, не дано им. Мы, бабы, счастливейе...

Тополя за окном вспыхнули, пролились серебром, холодным, как и всякий металл, и ветер уже, не останавливаясь, широким захватом побежал по огородам и улицам, зашумел, торкаясь в ворота и ставни. Сейчас враз всю живность пробудит. И точно: на колхозном подворье заблели овцы, ударили петухи, нехотя залаяли собаки, не лобливо, только чтобы оповестить, что бодрствуют, а стало быть, и хозяева тут, нечего зря тревожиться.

Татьяна Ивановна тихо поднялась – пора на дойку. Разожгла печь, выстоявшиеся за ночь берёзовые поленья польхнули, зашипели в кольцах скручивающейся бересты, пахнуло теплом и древесной смолой.

– Ма, ты встала?! – певуче, сквозь сон, спросила старшая дочь, и Татьяна Ивановна, вспомнив себя об эту пору, ласково улыбнулась, понимая, как сладок и желанен сон, когда мать порает у печи. И, уже не боясь разбудить детей, стукнула чугунком, пододвинула поближе к огню и вместе с

ухватом будто выхватила из польмя давно забытую материнскую присказку.

– Спи-спи, у нас ноне в печурочке золотые чурочки.

Сказала и усмехнулась своей внезапной памятью и утвердилась в догадке – мы, бабы, счастливейе.

Хозяйничая у печи, Татьяна Ивановна напрочь позабыла о дурном сне, о тревогах, им навеянных, и даже о том, что на сегодня она от работы освобождена. Близящаяся встреча с мужем больше не томила её, она ждала его через ожидание детей, и радость встречи, точно отражённый отблеск огня на стене, бурлила в душе хотя и не ярко, но ровно. Звякнув подойником, едва не выронила его, так внятно, будто над ухом, прозвучал надтреснутый голос учётицы Людмилы Краюхиной (дородной и толстоногой, зимой и летом не снимающей солдатского бушлата и сапог со вставными клиньями на голенищах).

– Назавтра ты, Татьяна, от дойки освобождённая, встречай своего кормильца, нашего председателя, – сказала и весело, со значением, глянула на доярок. – Что, девоньки, спроворим без неё? – и, не дожидаясь согласия, заключила как давно решённое: – Спроворим, ещё и на чарку заглянем, так что ты уж того – ...товсь.

Продолжение на стр. 24

Продолжение.
Начало — на стр. 23

ВАСИЛИЙ Аксентьевич приехал в обед. И, как всегда, неожиданно. То есть его ждали, дети заучили расписание всех проходящих поездов и загодя, услышав паровозные гудки и нарастающий, точно обвал, стук колёс по железнодорожному мосту, спрыгивали с подводы, выбегали на перрон. Однако приближение московского скорого проворонили — всё равно напроход пойдёт до Манзовки, там у него остановка. В самый последний момент Татьяна Ивановна спохватилась: мало ли?! Шумнула детям выбежать. Мерин, воспользовавшись, что не до него, тоже потянулся к перрону, точнее, к кирпично-красной водокачке, круглой, будто гигантский гриб, выросший посреди весеннесочного лужка пырея. Татьяна Ивановна на какой-то миг замешкалась, бросилась наперерез и вовремя. Резкий, почти свистящий гудок паровоза, слившийся со стуком вхолостую прокручивающихся колёс, гулко прокатился рядом, накрыв облаком пара и её, и подводу, и всё-всё вокруг. (Она даже толком не поняла, что поезд останавливался.) А когда облако рассеялось и где-то там, за спиной, ещё громыхали удаляющиеся вагоны, она увидела его: худощавого, как щепка, в распахнутой шинели, с вещмешком в руке, пугливо озирающегося, будто спрыгнувшего не на своём полустанке.

Дети, мал мала меньше, ровной стойкой неуверенно кинулись к нему и тут же в сомнении смущённо остановились. Татьяна Ивановна почувствовала, как внутри всё вздрогнуло, и сразу ноги ослабли так, что она, чтобы не упасть, вынуждена была привалиться к лошади, уткнуться лбом в её жёсткую гриву. «Всегда-то он ничего не видел перед собой, всё ему колхозное роднее родных детей». И хотя она понимала, что не справедлива — капризничает, на душе полегчало, она даже улыбнулась, увидев, как неумело он пытается приласкать детей, а они вёртко ныряют у него под руками, хватаясь за полы, тянут во все стороны, будто с намерением повалить.

Домой ехали не спеша, дети, рассевшись на расстеленной на объездах шинели, правили меринком, а они сидели, свесив ноги: поглядывая на дорогу, на избы, раскиданные вдоль по большаку, вдыхая речной запах первой зелени и уже стойкого сухого тепла, то набегающего с полей, то отвесно падающего откуда-то сверху, будто трель жаворонка.

Он, шурясь, смотрел на солнце, на сопки, на равнину пашен и пойменных лугов, смыкающуюся с горизонтом, и Татьяна Ивановна, невольно повторяя его, тоже смотрела. И всё было таким родным, близким, с каких-то таких пор, когда, наверное, не было ещё ни его, ни её самой. Но что-то связанное с ними, конечно, уже было и то-

гда. Она взглянула на детей, заморожено оглядывающих пажити, и удивилась понятливости сердца. Желанность была, а уже потом всё-всё вокруг и сама Земля. Мы все желанные здесь. Она незнаемо зачем взяла его лёгкую истончившуюся в болезни руку и прижалась щекой, чувствуя, как тяжелеют глаза, увидевшие то, что прежде открывалось только сердцу. Он руки не отнял, но и её волнения как будто бы не принял, смотрел окрест задумчиво и спокойно на верхним распеянным взглядом, и лишь борозда шрама вокруг шеи налилась, побагровела.

— Вася, может, не братья тебе за это председательство?

— Это ничего не ответил, легонько высвободил руку, а когда на свёртке их встретили колхозники, воспрял, приободрился, забыл гимнастёрку натянуть, в натальной рубахе спрыгнул... и начался рукопожатия, взаимные похлопывания, шутки. Потом, взяв лошадь под уздцы, поставил в тенёк у амбара — он приехал. Подходили ещё люди, тесня друг друга, располагались поближе к председателю — это ж сколь не виделись, считай с покровом!

Слушали Василия Аксентьевича с интересом, в особенности рассказ об операции, о том, что он, Василий Аксентьевич, своим примером помог науке, прославил весь Дальний Восток и, конечно, колхоз «Власть труда», шутка ли — первому в стране удалили шитовидную железу, притом без наркоза и, вишь ты, врач-хирург девять лет жиз-

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК ДЕНЬ

Рассказ

ни гарантирует, и это так, без напуска, по теории, а по нормальной практике её, гарантии, на все пятнадцать хватит, научно-исследовательский институт потом вызовет Василия Аксентьевича в Москву и дополнительно определит ему рабочий запас.

Рассказ трогал, поднималась классовая гордость: нас в городе колхозниками навроде как обзывают — земля, темень, а мы-то совеем другое, мы — свет. И хотя от Василия Аксентьевича никто слова не слышал о мытарствах, уже по одному тому, что его Татьяне, при такой-то ораве детей, пришлось свести на продажу корову, догадывались и о них. А потому всякую его промашку на себя примеряли с ревностью, сокрушались, вздыхали, не находя выхода, но и, удача если выпадала ему, — до слёз смеялись, радовались, а дед Тимченков по своему обыкновению постукивал батошкой — во-во, пусть маленько помнят нас, пусть помнят.

Татьяна Ивановна не принимала участия в разговоре, но само её присутствие помогало, втягивало в него баб. Лузгая семечки, они образовали свой круг, который с приходом учётицы Людмилы Краюхиной, бабы хваткой и острой на язык, стал вроде бы как заглавным. Осаживая баб, мужики ссылались на тяжёлую внешнюю обстановку. Получалось, что падёж скота — это прежде всего результат происков чуждых элементов и империалистов, скрывающихся за железным занавесом.

Угадав в грозных словах повадку Гошки Парамонова, которого ныне даже дети называют не иначе как «ври-а», подразумевая, что он горазд врать, бабы и вовсе захватили инициативу.

— Каждый день у нашего «ври-а» новые распоряжения и указания, ещё одного не справишь, а он уже другое поворачивает.

Неведомо что заставило баб охолодеть, не случись колонны грузовиков, гружённых полосами строительного железа. На какое-то время громыханные и лягз прицепопов прервали разговор, а потом и переменили — аэродром строят.

— Эх, один бы такой возок нам на кузню! — с горечью сказал Василий Аксентьевич.

И теперь все, глядя на грузовики, выворачивающие в сторону гарнизона вслед за головной зелёной эмкой, зеркально взблескивающей на солнце никелем вампера и колёсных тарелок, невольно приценивались: как оно... если бы один возок на кузню.

То ли виною разговор о недостатках, которые, если верить Гошке Парамонову, вовсе не недостатки, а крутые ступеньки для победного шествия в светлое завтра, то ли ещё что, но внезапно вырвавшаяся горечь мужа встревожила Татьяну Ивановну. Вспомнились мечущиеся ласточки, тяжёлые клубы дыма, впрессованные в нависшую над трубой тучу, и крик — «Вася», от которого вздрогнула, точно от оклика, и испугалась, уверенная — это оклик беды. Предчувствуя недоброе, Татьяна Ивановна подозвала старшую дочь и, наказав собрать детей, затеявших догонялки вокруг амбара, ловила минуту, чтобы напомнить мужу, что пора домой. Но, видно, не минешь уютованного.

Грузовик, замыкавший колонну (порядком отставший), выворачивая на шоссе, взял нерасчётливо круто, прицеп подкинуло, крепление лопнуло и полосы железа, со скрежетом грякнув, свалились частью в кювет, а частью на обочину, издали напоминая рисунком гусяное крыло. Вылезли шофёр с напарником (оба старшины), беззлобно ругаясь, обошли машину, закрепили стойки прицепа и уехали — потом вернутся с солдатами, заберут. Не успели скрыться, а Василий Аксентьевич уже зажётся, торопливо натягивая гимнастёрку, потребовал немедленно собрать металл, стаскать на кузню, благо рядом, за амбарами. Поддавшись его настроению, мужики повскакивали с мест, но дед Тимченков как припечатал — диверсия!

Татьяна Ивановна, всё это время старшая упредить беду, увидев, что мужики враз растеряли решимость, замаялись, оглядываются друг на друга, кинулась к лошади — давай подводой! Страх за мужа, что он останется один, преобразил её. Потянув вожжи, она, точно парубок, стоймя вскочила на телегу и рывками горяча мерина, погнала к просыпанному железу. Её почин будто подстегнул всех — ах ты, мать честная, мужики мы аль не мужики?! На руках, на подводе за полчаса прибрали металл, будто и не было его, будто корова языком слизнула. Дед Тимченков и тот принял участие, вместе с детьми приволок кусок швеллера.

— Однако зелёная эмка подъехала, смотрят, выискивают, а мы с ребятей задами, нас не высмотришь, — весело похвалился дед, и все враз настоужились:

— Зелёная?! Должно — головная, генеральская... Быстро она... А что ей — порожняком? Ей и до райцентра — десять минут...

Райцентр упомянули так, походу, как ближайший населённый пункт, а упомянув, смутились — районное начальство там, милиция.

— Ничего, мы металл не прячем, вон он весь, — сказал Василий Аксентьевич, кивнув на аккуратно сложенный у стены штабель. — А за сохранность нам обязательный процент положен, не боись, мужики, подождём.

Ждали всем составом на молочно-товарной ферме, потому как здесь был единственный телефон в округе. За разговорами час прошёл, второй — никого. Притомимись. Надо бы Гошке Парамонова

ВОЗВРАЩЕНИЯ

щество в пользу Алексея Зновы, тем более что наделил его им — сам Иван Сергеевич Волошин, в присутствии местного начальства сказал об этом и самолично похлопал Алексея по плечу, одёрнув на нём прорезиненный фартук.

Прослышав о приезде секретаря, народ ожил, задвигался и хотя приказанию Гошки Парамонова — разойтись по рабочим местам — никто как будто не возрадил, уходить не торопились — что скажет председатель, как он?..

— Верно, хлопцы, давайте, а то не успеет приехать, а уже сбил своим приездом, — сказал Василий Аксентьевич и, скрывая тревогу, весело посмотрел на колхозников, обещая взглядом, что всё будет в порядке.

Татьяна Ивановна, ставшая едва ли не главным застрельщиком доставки просыпанного металла к кузне и потому чувствовавшая особую душевную приподнятость, сейчас невольной подсадовала на мужа, что он поддержал Парамонова. Ну, что он, точно двухлеток, заступает свои постромки, — подумала она и неожиданно воспротивилась ему:

— А кто ты такой, чтоб указывать?! В колхозе обчество коллективно решает.

Сказала и смутилась, но увидев, что Георгий Парамонов уже воспользовался разногласием, уже принялся за увещевание, стараясь более всего обозначить им не примирение, а своё старшинство, осадил его:

— Не шибко старайся, Георгий Иванович, секретарь-то поумней будет, мы его хотим послушать.

Отчаянность Татьяны Ивановны словно разбудила баб. Людмила Краюхина, со свойственной ей бесцеремонностью, махнула рукой:

— Да что их слушать, айда-те, мы и сами найдём дорогу на кузню!

Она настезь распахнула дверь, и колхозники, подчиняясь общему настрою, всем собранием вывалили во двор. Однако к кузне пошли не всем обществом и не прямой просёлочной дорогой, сворачивающей за амбарами к большаку, а потекли через дворы и огороды, каждый своим путём, намереваясь попутно оповестить о сходе сельчан — шутка ли, из-за просыпанного металла секретарь едет, скандал... Глядя на деда Тимченкова, торопливо засеменившего мимо бычатника в сторону овощеводческой бригады, Татьяна Ивановна усмехнулась: народу на кузне бу-удет!..

Она стояла в окружении своих детей: трёх подростковых дочерей, тонких и длинношеистых, и трёх сыновей поменьше, погодок, держащихся за руки и молчаливо поглядывающих

по сторонам, а люди всё подходили и подходили. Даже директор школы Леодор Васильевич Топорков пришёл, вместо приветствия растерянно покивал всем и, опершись на ковшку, замер. Задумчивый и подавленный, он ни с кем не заговаривал, стоял отчуждённо, словно бы провинившийся, и Татьяна Ивановна, невольной отозвавшись на его растерянность, вдруг по-новому восприняла сход, теснее придвинулась к детям и тоже задумалась.

Алексей Знова, обеспеченный металлом, старался, весело вызванивал его молоток. Выныривая из дверного проёма, Алексей взмахивал длинными шипцами, и красная с синими тенями подкова плашмя шлёпалась в железную, наполненную машинным маслом бочку. Масло взбулькивало и, пыхнув коротким дымком, стояче качнувшись, застывало.

Георгий Парамонов и председатель пришли вместе. Георгий сразу начал с упреков и угроз, но, натолкнувшись на людскую стену, пошёл на попятную — пусть никто не думает, что мы не можем сказать, можем и скажем, если надо, и своё — да, и своё — нет. Сложилось впечатление, что Гошка, хотя и не принял сторону председателя, против — не пойдёт.

Перед Василием Аксентьевичем мужики расступились — давай, сюда. Подвинулись,

уступили место на перевёрнутой бестарке — слышал, нашего племенного быка хлопочут в Хороль, на выставку?!

Бабам не понравилось, что председатель, не взглянув на свою Татьяну, сразу подсел к мужикам — ишь ты, козыряет?! Стоя за её спиной, они недовольно зароптали, всячески выказывая, что с детьми она здесь главная, а не он. В ответ мужики громко зашикали, но и обрадовались, что Василий Аксентьевич, словно бы и не было выпада, весело начал рассказ о ВДНХ. Конечно, он взглядывал и на неё, и на детей. И по тому, как они теряли скovanность, оттаивали, он и сам розвел лицом, улыбался. И хотя вскоре он уже владел всеобщим вниманием, по украдчивым взглядам угадывал, что невидимые нити ведут и к ней, его жене.

Татьяна Ивановна стояла, обхватив плечи, отсутствующе глядя перед собой. Она была глуха к взрывам смеха и в то же время, когда, забываясь, прыскали дети, усмехалась. Сейчас ей не нужно было смотреть — чтобы видеть, и слушать — чтобы слышать. Всё окружающее, вся близь и даль слились в её сердце: вот — он, вернулся к ней, а объясняется в любви к ним. Вот — они, любят его, а чувствами с нею — дети! Она облегчённо вздохнула — дети, не понимая, понимают всех. Она придвинулась к ним, к родным головкам — всё, что он делал и делает, он делает для них, для детей. И стало быть, прав, и стало быть, он — для всех. Она вздрогнула, младшенький растолкал сестёр, крепко ухватился за её юбку, насутился.

Секретарь приехал на раскрытом «Додже», как всегда в полувойском защитного цвета кителе, наркомовской фуражке, тёмно-синих галифе и зеркально начищенных хромовых сапогах. Не ожидая встретить столько народа, в удивлении замешкался, словно бы проверяя — на месте ли, потрогал тёмно-русые пробитые сединой усы, громко поздоровался со всеми и, повелев шофёру маленько отъехать, направился к мужикам.

Иван Сергеевич Волошин, в прошлом сучанский шахтёр и партизан, любил бывать на колхозных кузнях — знал в лицо всех кузнецов района. Сейчас, услышав весёлое вызванивание молотка, остановился, полное одуловатое лицо подобрело — вот он сельский рабочий класс... Алексей Знова, словно почувствовал, что вспомнили о нём, нарисовался в проёме, швырнул подкову в бочку.

оповестить, дети вот только что, распрягая мерина, видели его на конюшне, вызвались привести, получилось, что кстати. Открывает дверь, звонок из райкома — первый секретарь Волошин Иван Сергеевич. Растерялись — кому трубку, два председателя налицо? Выручил Василий Аксентьевич — давай, Георгий...

Иван Сергеевич говорил громко, отрывисто, каждое слово — главное. Его густой придавливающий бас слышался отчётливо и ещё как-то неправдоподобно. Казалось, что секретарь, во много раз уменьшенный, находится среди присутствующих — у Георгия Парамонова под фуражкой. Вначале поинтересовался ходом лесозаготовок, потом справился о посевной, особенно упирал на посевы сои. С надоем на фуражную корову выскочил сам Гошка, по этому показателю колхоз шёл первым. Однако секретарь остановил — сводки он читает регулярно.

— Кто у вас там металл растащил? Военные рассыпали, а вы воспользовались, подмели. Вы понимаете, чем это пахнет?

В трубке щёлкнуло, точно на другом конце провода взвели курок. Гошка суетливо оглянулся, ждал разъяснения, но никто не ответил, тишина, каждый был занят своей мыслью.

— Нет, Иван Сергеевич, мне ничего не известно, но я немедленно разберусь и доложу.

Гошка хотел было переминуться с ноги на ногу, рыпнул сапогом и, испугавшись своей

непростительной вольности, замер — на полусогнутых.

— А что, Бойко уже вернулся?

— Да, сегодня. Иван Сергеевич приказал им вместе с Бойко находиться, так сказать, на месте преступления, он выезжает.

Кузня и столярка размещались под одной крышей в деревянном приземистом строении, которое можно было бы принять за амбар, если бы вокруг не громоздились побитые ходки, бестарки, сани, веялки и прочий поломанный сельскохозяйственный инвентарь, напоминающий здесь в некотором роде покинутое поле боя. Оба помещения разделялись глухой стеной и имели наружу отдельные двери. В столярку — двустворчатые, широкие, как ворота, при нужде — закатывай внутрь пароконную телегу, а в кузню — обыкновенные, обитые железом и почти всегда настезь распахнутые. Несмотря на обширность, помещение столярки считалось подсобным, при кузне. И главным человеком предприятия почитался не дядька Митяй, искусный столяр, всегда в картузе и с карандашом за ухом, тихий, ссутулившийся, не расстающийся с сигаркой самосада, а Алексей Знова. Рослый, широкоплечий, лямки прорезиненного фартука крест-накрест на голых бугристых лопатках. Волосы и усы чёрные, как смоль, зубы вот только малость поржавленные, а то хоть на плакат — сельский рабочий класс. Весомое преимуще-

ВИКТОР
СЛИПЕНЧУК

ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Рассказ

Начало – на стр. 23

–3 ДРАВСТВУЙТЕ,
Иван Сергеевич!

Секретарь махнул Алексею, чтобы подошёл, но он нырнул обратно. Показалось: не понял знака. Но он тут же опять вынырнул, вытирая руки ветошью, улыбался.

– Наказал подручному подерживать огонь – производство.

Волшебное слово для Ивана Сергеевича, задержал руку Алексея.

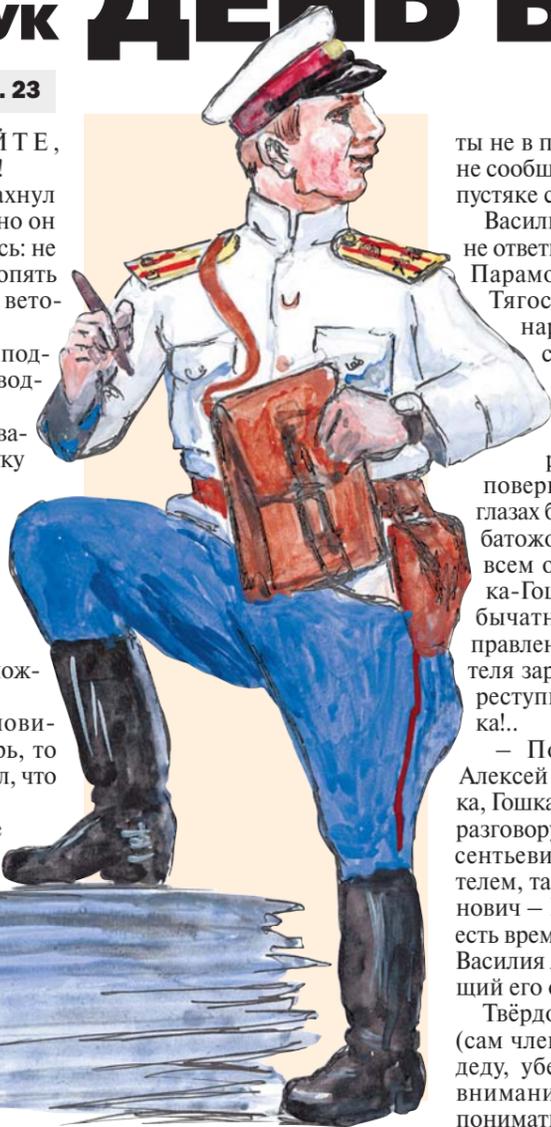
– В том-то и дело, что производство, оно не отпускает рабочего человека, всего захватывает, не то что там...

Кивнул на мужиков.

– Пока травка растёт – можно собраться, посудачить.

Интонация была неумолимой: то ли шутит секретарь, то ли упрекает? Алексей решил, что шутит, засмеялся.

– Так-то оно так, но все наши труды ради этой травки.

– Ради неё и на преступление можно пойти, – сказал секретарь, и опять неумолимость: то ли спросил, то ли подвёл итог.

Колхозники насторожились: чего ждать? Увидев, что секретарю никак не минуть Татьяны Ивановны – будто совесть со своими детьми на его пути, приободрились: вот и проявится сейчас. Однако Иван Сергеевич, хотя и узнал Татьяну Ивановну сразу и сразу догадался, почему жена председателя здесь с детьми, глянул на неё вскользь, издала, а когда проходил возле, слегка подтолкнул Алексея – отгородился, получилось, что не заметил её. Уловка секретаря как-то нехорошо задела всех, почувствовалось, что поблажки не будет, да, если так-то – то она и не нужна никому. Секретарь уловил холодную перемену в людях, отбросил двусмысленность, отвердел взглядом.

– Как понимать, Георгий Иванович, это же форменный грабёж среди бела дня – инициатора надо судить.

Татьяна Ивановна невесело усмехнулась.

– Так оно ежели судить, то, однако, всех придётся, весь колхоз, – переступая с ноги на ногу и опираясь грудью на палку и опять отстраняясь от неё, заметил дед Тимченков.

Во всей его фигуре было что-то светлое, прыгающее, даже не верилось, что с быками управляется тоже он, всегда спокойный и чуть-чуть медлительный.

Замечание деда внесло разрядку, горьковатую, но всё же... мужики зашевелились, секретарь повернулся к Алексею Знову.

– Сейчас приедет Стрешнев, начальник милиции, что ему ответит сельский рабочий класс – где взял железно?

Алексей пощипал свой ус, выпрямился.

– Ответу: всегда было. Скажу: вишь, сколь отремонтировать всего навезли, а так не бывает, чтоб отремонтировать было что, а чем – не было.

Секретарь неестественно улыбнулся. Колхозники, пряча откровенно повеселевшие лица, опять зашевелились – именно так всегда было и так есть. Георгий Иванович, стараясь не упустить благоприятной минуты, подскочил к секретарю, ему показалось, что он маленько помягчел.

– Иван Сергеевич, прикажите только, немедля снимем подводы с овощной бригады и доставим железо в полной сохранности куда следовало.

Он замер, весь заострившись, точно охотничий пёс в ожидании сигнала хозяина, готовый бежать, исполнять приказание. Однако бежать не пришлось, неожиданно подал голос Василий Ахметьевич.

– Пустое это.

Он встал. Татьяна Ивановна догадалась, что он слегка нагнул голову, чтобы не выказывать покрасневшего шва вокруг шеи, чересчур уж наглядно выдаёт его волнение. А со стороны показалось: из-за заносчивости, мол, председатель здесь – он.

– Ежели мы повезём металл – получится, будто мы его украли. А мы его взяли на обочине как бесхозный. Нам за его сохранность и возвращение в строй определённый процент полагается. Не повезём мы его никуда, у нас подвод не шибко-то... Ты, Георгий, шли, сам говорил: запурхались овощеводы. И у них намерен транспорт отнять?! Не пойдёт, пока я член правления – я против.

– В том-то и дело, Василий Ахметьевич, что

ты не в правлении. Неужто тебе не сообщили? – игриво, точно о пустяке справился секретарь.

Василий Ахметьевич ничего не ответил, коротко взглянул на Парамонова, медленно сел... Тягостное молчание снова нарушил дед Тимченков, сердито выступил из общей массы народа.

– А Гошка-то, Гошка наш... чой же он робит?! – Придирчиво повернулся к Парамонову, в глазах блеск, то поднимет свой батожок, то с силой оземь, совсем осерчал. – Ай-яй, Гошка-Гошка, приказы посередь бычатника прилепливаешь – правление, а живого председателя зараз однако молчком переступил. Ай-яй, Гошка-Гошка!..

– Погоди, дед, – встрял Алексей Знова. – Заладил: Гошка, Гошка!.. Не было в правлении разговору о выводе Василия Ахметьевича. Как был председателем, так и есть, а Георгий Иванович – ВРЮ председателя, то есть временный, до возвращения Василия Ахметьевича исполняющий его обязанности.

Твёрдость, с какою Алексей (сам член правления) возразил деду, убедила его. Теперь всё внимание на секретаря – как понимать сказанное?

– Ну коль рабочий класс утверждает, что разговору о выводе не было, стало быть, запамтовал... Стало быть, с возвращением, председатель.

Секретарь подошёл к Василию Ахметьевичу, но руки не пожал, не успел, отвлекла зелёная эмка, зеркально сверкающая никелем бампера и колёсных тарелок. Подворачивая к «Должу», качнулась на яме, солнечный луч польхнул в стёклах и сгас. Глядя на легковушку, все враз признали в ней ту, военную, что шла впереди гружёных грузовиков. Хотя секретарь как будто предупредил, что подъедет Стрешнев, всё же появление начальника милиции неприятно удивило.

Выскочил из машины, открыл переднюю дверцу.

– Михаил Давидович, приехали.

Стройный, подтянутый, в талии гибкий, в движениях точный и цепкий, он словно бы излучал волны физического здоровья и какой-то озорной молодцеватости.

– Э-э, дарагой, Андрюша, зря бэспакоился, металл на месте, всё на месте, – из кабины вылез крупного телосложения мужчина в светло-зелёном мундире и такой же фуражке с чёрным околышем. – Гамарджоба! Здравствуй-те, хорошие люди.

Грузность военного, акцент, как бы намекающий на родство с вождём и, конечно, – добродушие, исходящее от всей его крупной и медлительной фигуры, тотчас заставили сельчан поверить: да – полковник, да – грузин, этот не выдаст, нет. Василий Ахметьевич встал с бестарки, следом встали мужики, невольно выстраиваясь по обе стороны от него в неровную шеренгу. Бабы почти вплотную придвинулись к мужикам, оставили Татьяну Ивановну одну с детьми. Секретарь умышленно загордил её.

– Всё и все на месте, Михаил Давидович, а металл не отдают, – улыбнулся он.

Его улыбка тут же как бы пролилась на лице начальника милиции.

– Наверное, оно ихнее, – предположил Стрешнев, не скрывая весёлого ехидства.

– Нет, оно не наше, но за сохранность нам положено вознаграждение, мы его частью из кювета взяли, – сказал Василий Ахметьевич, в своей новой манере слегка нагнув голову.

– А-а, вознаграждение, – с неестественной весёлостью изумился Стрешнев, и его тёмно-синие широко поставленные глаза отуманились, стали светлее и выразительнее. На гулянках просто с ума сводит девчат эта

их выразительность. – Будет вознаграждение, обязательно будет, – словно бы проныкаясь внешне

запным озорством, пообещал начальнику милиции и, не отрывая взгляда от Василия Ахметьевича, поправил кобуру, пробежал пальцами по кожаному поводку, пристёгнутому к рукоятке нагана.

– Ээ, дарагой Андрюша, правильно говоришь, правильно, – пристально, с каким-то особенным значением посмотрел на него полковник и, отгеснив, подошёл к Василию Ахметьевичу. – Председатель, из Москвы?..

На вопросы полковника, опережая Василия Ахметьевича, отвечали колхозники и в большинстве директор школы Леонид Васильевич Топорков. Выяснилось, что председатель только что с поезда, ещё дома не был. Что ему первому в стране удалили шитовидную железу – врач гарантирует девять лет жизни. Что с детьми – это жена Василия Ахметьевича, ей пришлось продать корову, чтобы выволить мужа из Москвы.

Полковник в сопровождении секретаря и начальника милиции подошёл к Татьяне Ивановне. Она покраснела, румянец залил шею, руки. Дети отступили назад, она сама, словно бы защищая, отгеснила их. Подполковник взял её руку.

– Здравствуй-те, замечательная Татьяна Ивановна. Это всё наши солдатики виноваты. Даю слово, что весь этот металл останется в колхозе, а взамен – пусть все ранние овощи колхоз продаёт прежде всего в наши гарнизонные столовые.

Он поцеловал ей руку, круглые щёки заалели, точно яблоки. Глядя на неё, дети смущённо опустили головы, невольно разделяя её волнение.

– Приглашай, Татьяна Ивановна, на застольную встречу с твоим любезным Василием Ахметьевичем.

Не выпуская руки, повёл её к легковушке. Дети отстали, а потом поняли... кинулись к машине. Проходя мимо Василия Ахметьевича, Татьяна Ивановна хотя и зарделась пуще прежнего, голову горделиво подняла, в фигуре появились ладность, осанистость.

– Татьяна Ивановна, а нас что же не приглашаешь, – весело окликнул секретарь, беря под руку Василия Ахметьевича и Георгия Парамонова и тоже направляясь к машине.

Татьяна Ивановна чуть-чуть придержала полковника, приостановилась, победно глянула на секретаря, повернулась к бабам.

– А я вас, Иван Сергеевич, не заметила. Ну, раз вы здесь – милости просим.

Секретарь засмеялся.

– Я-то заметил сразу, да вот не мог вспомнить: жена ли председателя? А теперь вижу – жена.

Он опять засмеялся. Бабы ободрились: эго, Татьяна наша... Радуюсь её победе, как своей собственной, они оживились и тоже, повеселев, зашевелились к своим хатам вытаскивать из подполов всё, что есть лучшего, – председатель вернулся, кормилец.

1984

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru